

ПОМИДОРКИ

Сборник
прозы

16+

Анна Финчем

Анна Финчем

Помидорки

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Финчем А.

Помидорки / А. Финчем — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-96987-2

Рассказывая истории жизни своих героев, автор показывает, как их внутренние психологические установки, эмоциональное состояние и система ценностей создают их настоящее и будущее, влияют на то, как они живут и что получают от жизни. Наблюдая за героями, читатель может предугадать, как сложится их жизнь, более того, будет точно знать, почему она сложилась именно так. Повествование в рассказах - это тонкое переплетение реальной жизни и психологического анализа ситуаций и поступков, наблюдение за причиной и следствием. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-532-96987-2

© Финчем А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Мои друзья, помидорки	5
Поездка	25
Пролог	25
Часть I. Москва	26
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Анна Финчем

Помидорки

Мои друзья, помидорки

Настя выглядела расстроенной, и её мама не знала, чем ей помочь. Если ребёночек расстроен, и ему три годика, можно взять его на ручки, или дать ему конфетку, или купить новую игрушку, а если ребёночку тридцать три? Какие есть варианты?

Зависит от категории мамы, конечно. Говорят, есть мамы, которые любят и уважают самих себя, смотрят на происходящее вокруг честно и без искажений, а поэтому и своего ребёнка воспринимают взрослым и самостоятельным существом. Они могут дать дельный совет, почти граничащий с волшебным пенделем, но в реальной жизни такие почти не встречаются.

Настина мама была человеком из серии: «Моя маленькая девочка, не переживай, ты у меня самая красивая, всё будет хорошо, садись ко мне на коленки и съешь ещё пирожное», даже если её дочь пришла жаловаться на то, что у неё пятнадцать килограммов лишнего веса, прыщи и кариес от чрезмерного потребления сладкого и мучного.

В очередной свой приход к маме в гости, после обеда из трёх блюд и десерта, Настя жаловалась на то, что она хочет выйти замуж, а вокруг неё совершенно нет подходящих мужчин. Вернее, нет достойных, финансово обеспеченных, свободных, зовущих замуж мужчин, на 100 процентов соответствующих её критериям будущего мужа, но это же примерно одно и то же, правда?

Мама в этом вопросе была неподходящим советчиком, так как сама она замужем была пару лет, не больше. Выходила замуж она уже беременной, что, собственно, и стало причиной скоропостижной свадьбы, а рождение крикливого младенца Настеньки стало причиной скоропостижного развода, но отсутствие практики совершенно не лишает человека возможности порассуждать о теории. А в теории все женщины знают, каким должен быть муж и что он должен делать, даже если прожили всю свою жизнь без такового.

Настя рассеянно поглощала вторую порцию десерта, погрузившись в свои мысли, вполуха слушая маму, которая что-то говорила о родственниках и других знакомых и незнакомых людях.

– А Маша, девочка с работы, помнишь, я тебе про неё рассказывала, она стала ходить в церковь, читать Библию, так ты знаешь, её жизнь так изменилась! Она с мужчиной хорошим познакомилась, у них свадьба скоро!

На слове «свадьба» фильтр блокировки шума, обычно включающийся в ушах дочерей и сыновей старше тридцати лет при разговоре с мамой на третьей минуте разговора, отключился и Настя перевела внимание с десерта на маму.

– Свадьба?

– Да, и они ещё и венчаться хотят, в этой же церкви, уже и с батюшкой договорились...

В какой-то степени, это был запрещённый приём. Незамужние девушки, страстно мечтающие выйти замуж и искренне верящие, что это и есть самое главное достижение в их жизни, все разговоры о чужих свадьбах примеряют на себя, что уж тут говорить о венчании! Красивая церковь, прелестная невеста, роскошное белое платье, букеты белых роз, рукоплещущие гости – все, как в американском фильме со счастливым концом. Настя совершенно точно хотела именно так.

А надо всего лишь ходить в церковь! Так просто! И почему она раньше до этого не додумалась? Девушка с аппетитом доела десерт и даже кивала, дослушивая окончание рассказов мамы.

Для неё слово «правильность» было не просто словом. В детстве ей говорили, что нужно быть хорошей, потому что быть хорошей – правильно. Правильно есть кашу и слушаться маму. Правильно хорошо учиться, приносить в дневнике пятёрки и радовать учителей. Правильно не спорить со взрослыми, не дружить с хулиганами, не прогуливать уроки и не иметь своего мнения. Или же иметь, но не высказывать. Правильно закончить школу с золотой медалью и поступить в институт, получить профессию и работать по специальности. Правильно варить борщ по рецепту, смотреть новости по телевизору, ходить на майские демонстрации и расти по карьерной лестнице.

На самом деле, нет ничего ужасного в том, чтобы быть правильной. Наоборот, так спокойнее и надёжнее, потому что если ты правильная, то и жизнь твоя складывается правильно. У Насти были хорошие отношения с мамой, коллегами и телевизором, и только в одном её «правильность» давала сбой. Продолжением фразы «закончить институт и найти работу» было «выйти замуж и создать семью», а вот этот пункт никак не хотел выполняться, несмотря на всю «правильность». И это расстраивало Настю, маму и даже телевизор, по которому никто не смотрел футбол.

К вопросу посещения храма Божьего Настя отнеслась со всей серьёзностью. Нашла церковь неподалёку, узнала, в какие часы она открыта, прочитала правила посещения. Джинсы не надевать, голову покрыть, по телефону не разговаривать. В воскресенье утром она уже была там, в храме Божиим, полная надежд и радостного предвкушения.

Ей казалось, что приход в церковь должен быть похож на посещение театра: тихо, помпезно и все дамы в вечерних платьях. Следить за происходящим на сцене необязательно, а коньяк в антракте однозначно улучшает игру актёров во втором акте. Самое важное же не это. Самое важное – это ощущение сопричастности к искусству, даже если ты ничего в нем не понимаешь.

Открыв тяжёлую дверь церкви и замешкавшись на пороге, она наткнулась на осуждающий взгляд бабушки, сидящей на скамеечке возле входа. Растерянно оглянувшись на тех, кто зашёл после неё, она увидела, что все они, войдя, осеняют себя крестным знаменем. Она быстро перекрестилась, после чего бабушка потеряла к ней интерес, продолжая сверлить взглядом вновь входящих.

Церковь была полна людей. Половина женщин была в джинсах и без платков, люди разговаривали между собой и по телефону, пара детишек хулиганского вида почти устроили потасовку. Роскошные букеты возле икон слегка завяли, присесть было некуда, а из высоких окошек довольно ощутимо дуло.

Настя ещё какое-то время осматривалась, пытаясь найти себе место поуютнее, в это время раздался шум, шаги, откуда-то из-под икон появились бородатые мужчины в расшитых одеждах и начали петь.

«Господи, помилуй, господи, помилуй, господи, помилуй мя».

Насте пришло в голову, что бородатые крепкие мужчины вовсе не выглядели несчастными измождёнными жертвами, которых нужно было помиловать, а не казнить, да и вопрос захотелось задать, почему они вообще просят о помиловании, а не идут, к примеру, работать на завод, но так как все присутствующие в церкви затаили тоже самое, Настя решила не умничать, а просто делать всё то, что делали остальные – стоять смиренно и повторять за поющими.

Прошло минут сорок. Она устала стоять, ей было холодно, некомфортно и скучно. Пару раз оглядывалась назад, на входную дверь, но никто не уходил, да и бабушка возле дверей зыркала на неё весьма недобро. От скуки она разглядывала иконы с непонятными картинками и непропорциональными лицами и смешные буковки на стенах, которые не могла про-

читать. Когда все закончилось, посетители храма в едином порыве ринулись к дверям, и Насте пришлось задержаться, чтобы пропустить истинно верующих, а бабушка встала со скамеечки, вынесла швабру и тряпку откуда-то из боковой двери и принялась мыть полы с таким остервенением, как будто сам диавол их запачкал.

Настя вышла на улицу с ощущением неловкости. Ей казалось, что посещение церкви делает её каким-то другим человеком, лучшей версией себя, но этого не случилось. Может, она что-то неправильно сделала? Она решила, что попробует ещё раз через неделю, хотя прямой связи между посещением церкви и замужеством пока не видела.

Пока она шла к машине, позвонила мама.

– Чем занимаешься, доченька? – интонация мамы была, как обычно, наигранно-радостной.

– В церкви была, – немного растерянно ответила Настя.

– О, вот и хорошо, надо же культурно отдыхать, – интонация стала ещё радостнее.

Если бы Настя сказала, что ходила в кукольный театр на утренний сеанс, реакция, скорее всего, была бы такой же. Хотя нет ничего плохого в позитивном настрое, надо признать.

Прошла неделя. Утро воскресенья было тёплым и прозрачным, и Настя проснулась в хорошем настроении.

Чашечка кофе была уже наполовину пуста, когда раздался телефонный звонок.

– Света, привет! – Настя была рада услышать подругу.

– Привет! Слушай, отличная погода, пойдём, погуляем? – Света искрилась энтузиазмом.

– Да я вот в церковь хочу сходить, – слова звучали немного неуверенно.

– В церковь? – Света искренне удивилась, – не знала, что ты веришь в Бога!

– Даже если не верю, он же есть? – Настя отшутилась, потому что не знала, что ответить.

Когда мама рассказывала про Машу, она же не сказала, что Маша начала верить в Бога, и поэтому у неё все получилось. Она сказала, что Маша начала ходить в церковь!

– Конечно, есть, – Света ответила совершенно серьёзно, – и всегда был! Хорошо, давай тогда после посещения церкви встретимся, идёт?

Чаще всего они встречались в городском парке, возле фонтана. Здесь всегда было многолюдно, так как через парк проходила удобная для пешеходов дорога из одной части города в другую, а сегодня и вовсе все вышли погулять, порадоваться солнышку. Подруги прогулялись по красивой аллее, выполнили обычный ритуал съедания мороженого и сели на скамейку возле фонтана, наблюдая за игрой света в капельках падающей воды.

– Как тебе в церкви, нравится? – Света, улыбаясь, подставляла лицо солнечным лучам, – на меня там всегда такое спокойствие находит, ты знаешь. Так тихо, светло, умиротворённо.

– А ты службы посещаешь?

– Конечно, нет, зачем? Послушать, как бородатые дядьки поют «Кирие элейсон»? Могу и сама спеть, слова знаю. Говорят, что церкви строят на «местах силы», и там можно энергией напитаться, это мне нравится. И архитектура церквей меня всегда интересовала, я же архитектор, помнишь?

Настя кивнула. Ничего подобного с ней в церкви не происходило, она, скорее, просто ждала, пока служба закончится, смотрела на людей, большинство из которых, судя по всему, тоже просто ждали, когда служба закончится, от скуки оглядываясь по сторонам, рассматривая стены или соседей, проверяя сообщения в телефоне. Когда же служба заканчивалась, люди так торопились выйти из храма, что возле дверей возникал затор, и пройти первыми могли только мамы с детьми на руках, да и то после громкого требования. Вырвавшись на свободу, дети начинали носиться вокруг, женщины снимали платки и капюшоны, а мужчины облегчённо закуривали. Ожидая своей очереди на выход, Настя наблюдала за бабушкой-уборщицей, с грохотом передвигающей ведро с водой и швабру по полу, и видела, как она задувает, тушит и выбрасывает все свечи, которые люди ставили возле икон перед началом службы, потому что

они мешали ей вымыть подсвечники. Ничего похожего на успокоение в этой картинке не было, а сама по себе архитектура церкви её не интересовала. Есть куда более важные вещи! Например, выйти замуж.

Они собрались уходить. На выходе из парка дорожка становилась чуть уже, и им пришлось подождать входящих. Оказалось, что задержка была потому, что в парк входила женщина, толкающая перед собой инвалидную коляску. В инвалидной коляске сидел мальчик лет десяти, причём сходство женщины и мальчика было таким сильным, что не оставалось сомнений, что это мать и сын. У мальчика были большие синие глаза и волнистые тёмные волосы, у матери тоже, только, скорее, седые. Настя посторонилась, как будто стараясь ни в коем случае не соприкоснуться с этой женщиной, а Света улыбнулась и мальчику, и женщине, стараясь освободить для них как можно больше места в проходе.

– Такой мальчик симпатичный, – сказала Света, когда они вышли из парк.

– Не знаю, – Настя покачала головой, – не дай Бог иметь ребёнка-инвалида!

Через неделю она опять пошла в церковь. Некоторых людей она уже узнавала, например, тех самых мам с детьми разного возраста, причём им приходилось прилагать усилия к тому, чтобы заставить детей стоять смирно, стала помнить больше слов из молитвы, и даже прочитала в интернете, почему некоторые большие подсвечники были круглыми, а некоторые – квадратными. Когда служба закончилась, она вышла на улицу, и решила присесть на лавочку в маленьком скверике неподалёку.

Она рассеянно смотрела на церковь, на купола, на небо, когда к ней подошла женщина. Обычная женщина, немолодая, в платочке, в одежде, которая была в моде лет двадцать назад... Таких обычно много возле церквей.

– Я присяду, дочка? – голос был немного глуховатым.

Настя вежливо подвинулась, хотя места на лавочке и так было достаточно. Женщина присела.

– Я вижу, ты в церковь ходишь, на службы... Это очень правильно, дочка! В храм Божий нужно ходить, пост соблюдать... Правильные люди ходят в церковь, и поэтому у них все в жизни хорошо складывается. Я не ходила, когда молодая была, вот и получилась у меня жизнь покалеченная, ни мужа, ни детей... Сейчас вот хожу, молюсь о здоровье...

Наверное, при других обстоятельствах Настя бы и слушать не стала, да и от странной собеседницы постаралась бы держаться подальше, но сейчас слова зацепили её. Правильные люди ходят в церковь! Кто же не хочет считать себя «правильным»?

– Ещё хорошо Библию читать, псалмы, молиться, иконку дома поставить, свечечкой углы в квартире окурить... Ты же читаешь Библию?

Настя хотела было ответить, что нет, ибо зачем ей эта тягомотина, но промолчала.

– Библию надо читать, это правильно, – женщина почти бормотала. – Меня Фаиной зовут, Фаей... Я каждый день Библию читаю, да... Каждый божий день...

Она замолчала, кивая головой, словно погрузившись в какой-то транс, и Настя было поднялась с места.

– А ещё пост соблюдать, пост, очень нужно! Тело очищается тогда, от всего ненужного, пост – это очень правильно, дочка, очень правильно... Скоро как раз начнётся, кстати, так что ты соблюдай, соблюдай...

Насте показалось, что слова Фаины её гипнотизируют, но она, всё-таки, поднялась со скамейки и пошла домой. «Правильные люди ходят в церковь», стояло у неё в ушах, «правильные люди».

Она прочитала, что пишут в интернете про пост. Мясо, молоко, яйца, рыбу – не есть. Хорошо, ничего сложного. Почти во всех кафе и ресторанах уже давно появилось «постное меню», так что она, по большому счету, и не особо заметила изменений в обычном питании.

Очередной поход в гости к маме как раз пришёлся на дни поста, и есть мясо Настя гордо отказалась.

– Мама, сейчас же пост, ты что!? Нельзя мясное и молочное!

Мама, потратившая несколько часов на приготовление изысканной томлёной баранины с итальянскими травами, немного опешила.

– Так ты бы мне сказала заранее, откуда же я знала, что ты стала церковные традиции соблюдать?!

– Все правильные люди пост соблюдают. И я буду.

Мама, как вы помните, была человеком мягким. Ну что же, пост, так пост. Бог с ней, с бараниной.

После очередной воскресной службы в церкви к Насте подошла Фаина.

– Ну как ты, дочка? Пост соблюдаешь?

– Да, – Настя кивнула, – конечно, соблюдаю!

– Правильно делаешь, дочка, очень правильно... Дай Бог тебе мужа хорошего и детишек...

Эти слова грели Настю, и картинки мужа и детишек очень быстро приходили в голову. Более того, на этих картинках все были красивыми, хорошо одетыми, улыбающимися и, очевидно, очень счастливыми, почти как на красивой почтовой открытке. Муж смотрел на неё глазами, полными любви, она смотрела на детей, дети смотрели на смотрящего. В этой семье не существовало ссор и скандалов, в ней все и всегда были счастливы.

Они встретились со Светой, и решили пойти пообедать, раз уж наступило время обеда.

– Мне, пожалуйста, постное меню, – довольно строго сказала Настя официанту, – пост ведь, сами понимаете...

Официант только улыбнулся в ответ.

– Постное меню? – Света сделала круглые глаза, – чего это? Как так?

– Света, пост очень полезен для организма, для очистки от всякого ненужного, – нравоучительно сказала Настя, удивляясь невежеству подруги, – все правильные люди соблюдают пост!

– Правильные, говоришь, – Света хмыкнула и взяла обычное меню, – ну, не знаю, я лучше буду неправильной, но от телячьей котлетки не откажусь.

– Так ты и в церковь не ходишь, – Настя пожала плечами, выбирая между овощным супчиком и овощами на пару, – ну или, по крайней мере, на службы.

– Да я вообще человек простой, – Света улыбалась всё шире, – если я что-то делаю, то либо ради пользы для себя, либо для удовольствия, а в церковных завываниях какая польза? Удовольствия уж точно никакого...

– Ходить в церковь – правильно, – упрямо сказала Настя, злясь на подругу, – потом сама поймёшь. Кто в церковь не ходит, тех Бог наказывает!

– Даже если они ходят, но в Бога не верят? – вопрос прозвучал невинно.

Настя не нашлась с ответом и промолчала.

После обеда они пошли прогуляться по парку. На входе в парк опять возникла небольшая заминка, и чуть пройдя вперёд, они увидели ту же самую женщину с инвалидной коляской. Судя по всему, коляска попала колесом на бордюр, и поэтому не двигалась. Женщина пыталась как-то сдвинуть её с места, но у неё не получалось, а люди просто стояли и смотрели, ожидая, пока она освободит проход. Настя, поняв в чём дело, потянула было подругу за рукав, чтобы выйти из парка с другой стороны, но у Светы был другой план.

– Пойдём, поможем! – она решительно продвигалась через толпу.

Увидев, как Света спешит на помощь, из толпы вышел молодой парень, и все втроем они легко сняли коляску с бордюра.

– Спасибо большое, – женщина с коляской выглядела смущённой, – ума не приложу, как так получилось, вроде уже все дорожки тут знаю...

– Ничего, – улыбнулся парень, – всегда есть кому помочь!

– Пойдёмте, я помогу вам докатить коляску до скамейки, – Света взялась за ручки коляски, улыбаясь мальчику, и кивнула головой Насте, приглашая её пойти вместе с ними.

Настя колебалась. Ей было неуютно находиться рядом с этой женщиной. Ведь раз у неё в жизни случилось такое несчастье, значит, она что-то делала не так! Вот Бог её и наказал. Наверное, она не ходила в церковь, и теперь получила расплату. Ей было непонятно, почему Света с такой готовностью помогает, неужели не боится «заразиться» этим несчастьем?

Они все дошли до лавочки, и Света предложила купить всем мороженого, на что ребёнок радостно согласился. Подруги пошли к ларьку, и Настя использовала момент, чтобы улизнуть.

– Ты знаешь, я, наверное, пойду, ещё дома дела...

Света пожала плечами.

– Да, конечно. Я побуду ещё тут, в парке. Увидимся!

– Моя подруга просила её извинить, у неё дела, – сказала Света, вернувшись к скамейке и угощая всех мороженым.

– Я понимаю, – кивнула женщина, не меньше сына радующаяся угощению, – я вижу, как она смотрит на инвалидную коляску. Её это пугает...

– Ммм, – Света собиралась вступить за подругу, но передумала. Женщина была права, глупо было бы отрицать.

– Грише десять, – продолжила женщина, – и он никогда не ходил. Я хорошо знаю эти взгляды...

Её звали Зинаида. Родители решили назвать девочку в честь бабушки, и казалось, что старомодное имя и ребёнка сделало немного «старомодным». Зина была спокойной скромной девочкой, носила платки с отложными воротничками и прямую чёлку. Она была хорошенькой, как куколка, но скромная одежда и манера вести себя незаметно скрадывали её красоту, и в школе она не пользовалась успехом у мальчиков, в отличие от ярко накрашенных крикливых одноклассниц. Она прилежно училась, помогала маме по дому и мечтала стать учительницей в школе. Хорошая мечта, несложная в достижении: закончи пединститут, зайди в ближайшую школу, поговори с директором и выходи на работу завтра, а лучше прямо сейчас. Работа ей нравилась, хоть и не приносила больших денег или какого-либо признания, но ей казалось, что она выполняет очень важную миссию, помогая воспитывать подрастающее поколение. Следующей мечтой, как и у всех, было выйти замуж. Крикливые одноклассницы туда уже вышли, а некоторые и вернулись, так как их яркого макияжа и истеричного характера оказалось недостаточно для сохранения брака, а Зина пока была не востребована.

Её счастливый случай наступил случайно. Директор школы, в которой она работала, была женщиной одинокой и амбициозной. Она посвящала школе всё своё время, и считала, что и все остальные, имеющие отношение к этой школе, должны поступать точно так же, и поэтому ученики и группы учеников принимали участие во всех возможных мероприятиях, которые проводились в городе и за его пределами, посещали кружки и секции, а учителя были вовлечены в благотворительность. На одной из благотворительных ярмарок, которую организовала школа в поддержку детей-сирот, Зину и заметил немолодой, но успешный местный бизнесмен Александр, который уже пару раз обжёгся на жёнах из категории «много макияжа и гонора», и для него хорошенькая, но скромная и тихая Зина была как раз подходящей парой. На людях показаться не стыдно, и внимания особо уделять не надо. Более того, Зина выглядела естественно здоровой, а это гарантировало – или должно было гарантировать – здоровое потомство, а жена ему нужна была, по большому счету, для этого.

Он красиво говорил и ухаживал, хотя для неизбалованной Зины и это было много. Он все распланировал сам, выбрал день и место для свадьбы, купил платье, костюм и кольца, и сказал Зине, что сына назовёт Григорием, в честь своего деда.

– Вы знаете, – Зина рассказывала Свете свою историю спокойно и неторопливо, как будто сказку на ночь, – мне тогда все подружки завидовали. Что, мол, жених богатый, и жизнь так удачно складывается, и работать больше не надо, надо только как сыр в масле кататься, и всё. Сбыча мечт! «Ты такая счастливая, Зинка, такая счастливая! Надо же, как повезло!»

Свадьба была пышной, в красивом ресторане, где все приглашённые бизнесмены соревновались в том, у кого машина дороже, а их жены в том, у кого бриллианты покрупнее, Зина всем улыбалась и была так мила, юна и свежа, что все бизнесмены завидовали её новоиспечённому мужу, а их жены подсчитывали в уме, сколько нужно денег на то, чтобы выглядеть так же юно и свежо, как она.

Беременность наступила в срок, УЗИ показало мальчика. Александр был доволен собой и обсуждал с друзьями, в какую именно школу за границей лучше отдать сына, чтобы обеспечить ему хорошее образование. Он контролировал, чтобы Зина много гуляла и хорошо питалась, а в остальном его жизнь не очень изменилась.

Ребёнок родился в срок и здоровым. Молодой отец отметил это событие с размахом, закатив пирушку в модном клубе, и поручил своему секретарю найти няню.

Через пару недель, к удивлению и неудовольствию Александра выяснилось, что ребёнок, несмотря на серьёзное взрослое имя и наличие няни, позволял себе разные младенческие штуки, вроде плача и криков по ночам, и до момента, когда он станет абитуриентом Гарварда, должно пройти какое-то время. Лет восемнадцать, примерно. Молодому отцу, тем не менее, здоровый сон нужен был прямо сейчас. Зину переселили в детскую, поближе к младенцу, и сделали в комнате звукоизоляцию. Нельзя сказать, что Александр плохо относился к сыну, но пока в этом абсолютно беспомощном и пускающем пузыри существе, которому, к тому же, нужно было регулярно менять подгузники, он не видел продолжения себя или будущего наследника своей империи, и поэтому заботой о нем себя не особо утруждал.

Рассказ Зинаиды звучал так плавно, а голос так мелодично, что Света заслушалась. Мороженое было давно съедено, и приближалось время приготовления ужина.

– Ой, надо же, заболталась совсем! Вы уж извините, я вас, наверное, задерживаю своими рассказами, – Зинаида смотрела на сына, а тот смотрел на неё, улыбаясь. Света тоже смотрела на них, не понимая, как такой красивый и спокойный мальчик вообще оказался в инвалидной коляске, но вслух сказала иное.

– Такие красивые глаза! Синие, – она задумалась, подбирая эпитет, – как море!

– Как море, – одновременно с ней закончила фразу Зинаида, и рассмеялась. – Когда-нибудь мы на это самое море поедem, правда, Гриша?

Мальчик кивнул.

– Теперь я хочу услышать продолжение истории! – воскликнула Света, – если, конечно, вы не против?

– Конечно, не против, я из этого секрета не делаю, – кивнула женщина. – Мы гуляем тут каждое воскресенье, так что увидимся обязательно!

Настя, тем временем, продолжала своё «введение в религиозность». Она стала замечать на улицах плакаты и вывески, говорящие о Боге, найти постную пищу не составляло труда, а если в разговоре с коллегами по работе упоминала, что ходила в воскресенье в церковь, все уважительно кивали. Мама отдала ей старое издание Библии, оставшееся от бабушки, и Настя заставляла себя читать по страничке каждый день, хотя, на самом деле, никакого удовольствия это ей не доставляло. Слова были нескладными и трудночитаемыми, а уж о чем конкретно там говорилось, и вовсе оставалось для неё загадкой. Но она не сдавалась. Она стала замечать, как

часто люди упоминают слово «Бог» в ежедневной речи, даже не задумываясь: «Слава Богу», «Не дай Бог», «Бог терпел и нам велел», «Бог накажет», «Бог дал – Бог взял».

Бог, как неупорядоченная сила, присутствовал везде, а вот походами в церковь, как виделось Насте, эту силу можно было не только упорядочить, но и обернуть себе на пользу, с очевидным обоснованием: «Я же правильная, потому у меня и жизнь должна складываться правильно». Она прочитала все десять заповедей, и не нашла ничего, чего она бы не соблюдала, уж точно не желала «ни вола, ни осла соседа своего», не убивала, не крала и не прелюбодействовала. В конце концов, не в этом ли секрет несчастья других людей? Они просто «неправильные». Зачем Богу им давать что-то хорошее? Бог представлялся ей чем-то вроде руководителя пионерской организации: он смотрит на твою успеваемость и поведение и решает, поедешь ты в летний лагерь к морю, или нет, достаточно ли хорошо и правильно ты себя вела для этого или нет, достойна ли ты этого или нет.

Ходить в церковь по воскресеньям, соблюдать пост, читать Библию. То, что она делала это и продолжала свою обычную ежедневную жизнь, казалось ей достижением, достойным вознаграждения. Другие – то и этого не делают, а на что-то рассчитывают! Смешные.

После церкви она, как обычно, встретила Свету в парке.

– Ну как там, истинно верующие продвинулись на своём пути к Богу? – Света часто была ироничной.

– Не понимаю твоего сарказма. Ходить в церковь – правильно, и тебе бы не мешало, – без тени улыбки ответила Настя.

– Я не путаю понятия «ходить в церковь» и «верить в Бога», – Света подталкивала подружку к ларьку с мороженым, – одно от другого не зависит. Соблюдение кем-то придуманных ритуалов не приближает тебя к вере, а вера не заставляет тебя выполнять ритуалы.

– А как же молитвы и свечи? Люди в церковь и ходят, чтобы Бога просить о чем-то!

– Ну и дураки, – Света пожала плечами, – где-то написано, что именно эта церковь является офисом Бога, а приёмные часы строго с 10 до 11 по воскресеньям? Опоздал – лишился исполнения желаний?

– И где, по-твоему, людям с Богом разговаривать? В ресторане?

– Да где угодно. Индусы говорят, в туалете нельзя, а все остальное – можно.

Настя не ответила. Входящую в парк Зинаиду с коляской они увидели почти одновременно, но Света радостно помахала ей рукой, а Настя попыталась спрятаться за Светину спину.

Света купила мороженого на всех и помогла Зине с коляской. Настя натянуто улыбалась, так как просто развернуться и уйти сейчас было бы невежливо, а невежливо – это неправильно.

– Держи, – Света протянула Грише мороженое, – ванильное!

– Спасибо, – у мальчика был приятный голос, – но ванильное мама больше любит, а я – шоколадное.

Настя поморщилась. Ему дают мороженое, а он ещё и недоволен! К её удивлению, Света в ответ только рассмеялась.

– Ого, о маме заботишься, настоящий джентльмен!

Когда мороженое было роздано согласно предпочтениям, и все сели на лавочку, Света попросила Зину продолжить её историю. Насте не хотелось ничего слышать про ребёнка-инвалида, но просто встать и уйти она не могла. Это неправильно.

Зину, в отличие от Александра, ребёнок очень радовал. Просто тем, что он у неё был, своей теплотой, приятным запахом, улыбкой. Он был как большая живая кукла, красивенький, забавный и уютный. Она посвятила всю себя этому малышу, носила его с собой в специальном одеяльце на ремешках, кормила его, когда он требовал и спала рядом с ним, охраняя его сон. Она заботилась о нем, как о части себя, и это её радовало. Никакой любви в её браке и в отношениях с мужем не было и в помине, муж находил своё призвание в работе, а она – в хлопотах об этом маленьком существе, в котором и была теперь её любовь.

– Я ему часто ту колыбельную пела, помните, из оперы «Порги и Бесс»? – Зина улыбалась, когда говорила о сыне, – «Summertime»?

– Да, – кивнула Света, – твой папа богат, а твоя мама красива.

– Спи сладко, мой малыш...

Все трое вспомнили приятную мелодию, и она повисла в воздухе, как ароматное облачко, пахнущее ванилью и корицей.

Человеком, который указал им обоим на то, что неплохо бы и папаше проявить заботу о дите, была няня, строгая женщина средних лет, воспитавшая пятерых в стиле «пеленать с руками, кормить по часам». Когда ребёнку было примерно полгода, Александр стал понемногу брать его на руки и даже делать с ним пару шагов по комнате, внимательно наблюдая, чтобы тот, ненароком, не сделал чего-нибудь неподобающего. Ему казалось, что этого вполне достаточно, но няня пошла дальше.

– Вашей супруге необходимо проводить какое-то время вне дома, гулять, заботиться о себе! Ходить в салоны красоты, в конце концов! А вам – помогать ей с ребёнком.

– Подождите, разве «помогать ей с ребёнком» не ваша работа? Я вас именно для этого и нанял! – возмутился Александр.

– Я от своих обязанностей и не отказываюсь, а вы от своих обязанностей отца уклоняетесь. Это неправильно.

– Я деньги зарабатываю, чтобы этого ребёнка было чем кормить и вам платить зарплату, так что не надо мне указывать на правильность! Этой мой дом и мой ребёнок.

– Как хотите, – няня пожала плечами, – если потом ребёнок вас за своего принимать не будет, ко мне претензий просьба не иметь, я предупредила.

Без салонов красоты Зина как-то обходилась, но однажды утром ей позвонили из школы, и сказали, что она должна подписать какую-то бумагу, чтобы её декретный отпуск был должным образом оформлен, причём прийти нужно было лично и не позднее сегодняшнего дня.

– Послушай, мне нужно на работу попасть, срочно, а у няни выходной сегодня, – озабоченно сказала она мужу, – добираться далеко, на двух автобусах...

– И чего ты от меня хочешь? – Александр неспешно завтракал, так как верил, что только медленно пережёванная пища хорошо усваивается, – чтобы я машину с водителем по пробкам отправил, тебя в твою школу отвезти?

– Да нет, просто, может, ты побудешь с Гришей, пока я не вернусь? Я постараюсь поскорее...

– А няню вызвать нельзя? Что, вот именно только сегодня?

– Да, они сказали, что сегодня последний день, они забыли про эту бумагу, а няня в другой город уехала, у внука день рождения сегодня.

Нет, ему не очень хотелось менять привычный распорядок дня, да и перспектива остаться один на один с младенцем не казалась ему такой уж радужной, но вот тут-то и вспомнились слова няни. Ему стало немного стыдно от мысли, что он и правда уклоняется от заботы о собственном сыне, но виду он не подал.

– Хорошо, у тебя два часа. Через два часа будь любезна вернуться к своим прямым материнским обязанностям.

Он доел и встал из-за стола, оставив чашку, ложку и тарелку стоять на столе. Не ему же, в самом деле, убирать за собой!

Зина торопливо навела порядок на кухне, оделась и поспешила подписывать важную бумагу. Александр зашёл в детскую. Ребёнок спал, все было тихо. Александр вернулся в свой кабинет, включил компьютер и погрузился в расчёты по новому проекту. Он так увлёкся, что совершенно забыл и о времени, и о ребёнке, и о том, что Зина уехала, поэтому, когда раздался какой-то шум, в котором можно было распознать детский плач, он не сразу понял, почему

ребёнок плачет, да ещё так долго. Ребёнок плакал все громче и все пронзительнее, переходя на крик, и даже попытка зажать уши Александру не помогла.

– Да что происходит? – закричал он, – Зина, няня! Успокойте ребёнка! Он мешает мне работать!

Но ничего не произошло, ребёнок не перестал кричать.

– Да где эти дармоедки, – Александр встал из-за стола, злясь на происходящее и глупых женщин. Ребёнок не переставал плакать, и отцу пришлось идти в детскую, чтобы выяснить, в чём дело.

– Ну чего ты кричишь? Тебя пытаются украсть межгалактические пираты? У тебя что-то болит? Ты голоден?

Ребёнок не ответил. Наверное, ни один из предложенных вариантов не подошёл.

Александр мало что знал о младенцах, хоть жил с одним под одной крышей уже почти полгода, но если рассуждать теоретически, то версий плача было несколько: его нужно покормить, уложить спать или поменять ему подгузник. Чем и как кормить ребёнка, Александр не знал даже приблизительно, кроме варианта «грудью», уложить спать только что проснувшегося было бы нелогично, оставалось одно – поменять подгузник. Нужно же как-то успокоить это крикливое существо? И так уже невозможно работать! Он неловко взял сына на руки, причём сначала ребёнок притих, ощутив тепло взрослого, а потом заплакал ещё громче, так как взрослый был незнакомым и пах чем-то резким и неприятным.

Держа сына на вытянутых руках перед собой, Александр дошёл до ванной комнаты. Судя по всему, ребёнку это не нравилось, так как он все время плакал и дрыгал ножками, пытаясь вырваться. Что делать дальше, Александр не знал. Не посадишь же ребёнка в ванну прямо в одежде! А в раковину он не войдёт, слишком большой. Положил ребёнка на стиральную машинку, но он так вертелся, что мог и свалиться.

– Лежи спокойно, чего ты вертишься? Что тебе не нравится? Тебе же каждый день меняют подушники, правда?

Ребёнок выгибал спину и опять начинал плакать. Александр начинал злиться на его вертлявость и собственное бессилие.

Надо было как-то снять с него штанишки. Придерживая его одной рукой за плечо, второй рукой молодой отец неуклюже пытался вытащить ребёнка из одежды, и, несмотря на сопротивление маленького неразумного существа, кое-как ему это удалось. Теперь нужно было снять подгузник. Александр не знал, был ли подгузник использован по назначению или нет, и на всякий случай решил снимать его над ванной. Опять поднял ребёнка на руки, донёс до ванны и было наклонился, чтобы опустить его туда, но в этот момент малыш задёргался так резко и отчаянно, что Александр замешкался и разжал руки.

Раздался глухой звук удара, и на какое-то время ребёнок замолчал, лёжа на дне ванны в странной скрюченной позе, и Александра охватила паника. И что ему теперь делать? А вдруг он себе голову разбил!? А вдруг он уже неживой?

Через минуту ребёнок заплакал так громко, что у Александра от испуга чуть сердце не выскочило. Он решил, что с него хватит. Следов крови в ванной не было. Он рывком вытащил ребёнка из ванны.

– Послушай, я не знаю, чего тебе надо и чего ты орёшь! Прекрати орать и вертеться!

– Ааааа!!!!!!!!!!!!!!!!!!!! Аааааааааааааааа!!! – такой был ответ. Младенец покраснел от криков и плача.

Александр почти бегом отнёс его в детскую и бросил обратно в кроватку, не зная, как заставить его замолчать.

– Замолчи!! Замолчи!!!

Он вышел из детской, хлопнув дверью, и почти сбил с ног Зину, которая уже вернулась и бежала на звук плача.

– Что с ним? Почему он плачет?

– Откуда я знаю! – заорал Александр, – этот дурацкий ребёнок все время орёт! Я хотел поменять ему подгузник, а он орёт и вырывается! Сама занимайся им, ты мать! Я тут не при чём!! Мне надо работать!

Он выскочил из дома так быстро, что Зина не успела спросить, что именно произошло. Она взяла Гришу на руки. Ребёнок был то ли напуган, то ли расстроен, она не могла понять, и долго ходила по квартире с ним на руках, пока он не перестал плакать и всхлипывать. Она покормила его и уложила спать. Ей показалось, что он лежит в какой-то немного странной позе, но не придавала этому значения.

Тревогу забила няня, когда вернулась. Она сразу обратила внимание, что ребёнок ведёт себя неестественно и потребовала, чтобы Зина отвезла его к врачу.

Они взяли направление к участковому, участковый направил к хирургу, хирург – к невропатологу. Прошло почти две недели, пока они ходили по врачам, и теперь даже Зине было очевидно, что нижняя часть тела у ребёнка неподвижна. Она несколько раз спрашивала у мужа, что случилось, но он в ответ огрызался и говорил, что просто пытался поменять подгузник, но не смог, так как ребёнок все время плакал и вырывался. В том, что он уронил ребёнка, он признался бы только под пыткой, а пытать Зина не умела.

Невропатолог, пожилой мужчина с усами, долго крутил Гришу и нажимал на разные точки.

– Мамаша, вы точно ребёнка не роняли и не ударяли ни обо что? Или, может, он сам как-то упал, когда вы его одного оставили?

– Что вы, я его одного не оставляю, всегда или я, или няня, или отец...

– А может, няня уронила? – доктор перевёл взгляд на няню.

– Господь с вами, – фыркнула та, – с чего бы я вверенного мне ребёнка роняла? Свои, слава богу, целы, и этот тоже!

Зина смотрела на них обоих со страхом.

– Так что с ним?

– То, что я вижу сейчас – у него травма спинного мозга. Он же родился здоровым, вы говорите?

– Да, совершенно здоровый ребёнок, никаких патологий...

– Поэтому и не могу понять, что случилось...

– И что с ним будет?

– Если не случится чуда, то он не будет ходить, – тихо сказал доктор.

– Никогда?

Доктор только покачал головой.

– И что делать?

– Подавать документы на оформление инвалидности, я думаю...

– Как, и ничего нельзя сделать?

– Из того, что могу сделать я, ничего не поможет... Может быть, есть клиники за границей, у которых есть какое-то особенное оборудование, и они могут вернуть ногам подвижность, устранить повреждение нервной системы... У нас в городе, к сожалению, таких специалистов нет.

Инвалидность! От этого слова Зину начинало мутить, как будто её ударили под дых. По дороге из поликлиники она просто молча смотрела перед собой. Две недели назад у неё был здоровый малыш, который радовал её каждый день, а сейчас она держала на коленях будущего инвалида, который никогда не будет ходить.

Она рассчитывала, что Александр сделает все, чтобы помочь сыну. Когда она рассказывала ему про то, что сказал доктор, она заплакала в первый раз. Муж выслушал молча, не ком-

ментируя. Потом позвонил своему секретарю и поручил ей найти самого лучшего невропатолога в городе и записаться к нему на приём.

Зина плакала каждый день и каждую ночь. Менять подгузники теперь было несложно, так как нижняя часть тела у Гриши была неподвижна. Александр избегал и её, и ребёнка, почти не появляясь дома, но на приём к врачу они поехали вместе.

Самый лучший невропатолог в городе взял много денег за приём во внеурочное время и подтвердил предыдущий диагноз.

– Здоровый ребёнок, но ходить не будет. Мне очень жаль.

Зина плакала, Гриша лежал в коляске, Александр молчал.

Вечером Александр, как обычно по субботам, пошёл в ресторан с друзьями. Они много пили, много ели и обсуждали женщин.

– Слушай, как жена твоя, все такая же красавица? – спросил один из подвыпивших друзей, – как сын? Растёт?

– Да у него что-то с ногами, – неохотно ответил молодой отец, – доктор говорит, он ходить не будет...

– Погоди, – вступил в диалог ещё один подвыпивший друг, – так она тебе что, ребёнка-инвалида родила, что ли?

Александр промолчал, но и не возразил. Такой вариант поворота событий ему в голову не приходил.

– Никакого толку от этих баб, я тебе говорю, – продолжил громогласный друг, – работать не хотят, готовить не хотят, так хоть бы детей здоровых рожали! Хоть какой-то толк от них будет!

– Беги от неё, а то не дай бог другие дети тоже будут инвалидами! – подключился третий, – зачем тебе это?

– Тебе наследник нужен, а не колясочник, – кивнул первый друг, который спросил, как дела у сына, – а ты уже не молод! Раз она с такой простой задачей, как родить нормального ребёнка, не справилась, то нужна такая, которая справится. А эту оставь, пока не поздно.

Выпито было много, но план был сформулирован. В понедельник Александр нашёл самого ушлого из всех ушлых адвокатов. Задача была поставлена чётко: брак аннулировать, все свидетельства о том, что он вообще был, уничтожить, его имя, как отца, из метрики ребёнка убрать. Не должно быть ни одного свидетельства о том, что между бизнесменом Александром и ребёнком-инвалидом есть какая-то связь.

Он зашёл в детскую утром, уже в костюме и в пальто, держа в руках папку с документами. Зина сидела у окна, держа на коленях Гришу, который пытался дотянуться до чего-нибудь и улыбался своей забавной детской улыбкой. На лице Александра улыбки не было. Мысль о том, что этот ребёнок – его, вызывала у него тошноту.

– Послушай. Мне нужно сказать тебе кое-что. Не секрет, что я женился на тебе для того, чтобы ты родила мне здорового наследника. Ребёнок – инвалид мне не нужен, так что это теперь твоя проблема, делай с ним, что хочешь.

– Но он родился здоровым! Что значит «делай с ним, что хочешь?» – Зина почти не могла говорить, так как ощущение вопиющей несправедливости сдавливало ей горло, – с ним что-то случилось, когда ты с ним остался!

– Я тут ни при чём. Ты оставила ребёнка одного, не позаботилась о нём. Не надо переваливать на меня то, что ты не справилась со своими материнскими обязанностями! Повторяю, мне нужен здоровый наследник, это понятно? Если хочешь, отдай его в детдом, мне всё равно.

Она беспомощно озиралась вокруг, рассчитывая на поддержку хоть кого-нибудь.

– Но он твой сын! Как ты можешь от него отказываться!

– Уже нет, – Александр протянул ей бумагу, – вот его свидетельство о рождении. У него нет отца. Ты – мать-одиночка.

Зина смотрела на бумагу. В этой бумаге значилось, что ребёнок Григорий Иванович носит её фамилию, а на месте данных об отце стоит прочерк.

– Как это? – она вообще не понимала, что происходит. – Ты подделал свидетельство о рождении?

– Ну что значит «подделал», – Александр пожал плечами, – скажем так, получил новое. Наш брак аннулирован, кстати, по закону никаких претензий ко мне ты иметь не можешь. Никаких алиментов или компенсаций.

Её охватывало оцепенение. Брак аннулирован?

– А почему у него отчество «Иванович»? – спросила она, хотя это вообще не имело никакого значения.

– Не знаю, так написали. Какая разница? – раздражённо ответил Александр.

Ребёнок всплёскивал ручками и издавал какие-то мелодичные звуки. Александр смотрел на него и качал головой.

– Да, ещё. Даю тебе неделю, чтобы съехать. Квартиру я тебе купил, на окраине, будешь жить там – видишь, не такой уж я и плохой, на улицу тебя не выгоняю – но, если будешь пытаться доказать, что я – отец, или вообще как-то мне мешать или вмешиваться в мою жизнь – выселю. Так что, обо мне забудь. Поняла?

– А ребёнку я что скажу? Он же спросит, кто его отец? – она все ещё не до конца понимала, что происходит.

– Скажешь, что у него нет отца. Не наживай себе неприятностей. Не забывай, я в этом городе человек влиятельный, а ты – никто. Училка с нищенской зарплатой.

Он оглядел комнату.

– Только зря на ремонт потратился. Ладно, у меня дела. У тебя неделя, чтобы убраться отсюда. С няней я сам разберусь. Всего наилучшего.

Зина остановила рассказ, задумчиво смотря на небо. Её слушательницы молчали, с трудом усваивая услышанное.

Первой подала голос Света.

– А что, это вообще возможно, поменять все документы?

– Если знаешь, кому дать взятку, судя по всему, да, – усмехнулась Зина.

– Погодите, – теперь голос вернулся и к Насте, – но вы же не оставили это всё так, правда? Вы же боролись? Вы же нашли адвоката, доказали, что ребёнок от этого Александра? Вы же делали что-то?

– Я была в декретном отпуске с грудным малышом – инвалидом. Квартира, о которой он говорил, была почти полуподвалом, комнатуха 12 метров, в которой было сыро и холодно, и мне нужно было думать, как прокормить и одеть ребёнка. На какие деньги бы я нанимала адвоката?

– Но, – Настя искала аргументы, – но это неправильно! Взять и сдать! Так нельзя!

Зина только плечами пожала. Гриша, казалось, дремал, под тёплыми лучами солнца.

– Твой папа богат, а твоя мама красива, – почти про себя сказала Света, вздыхая. Она всё ещё была под впечатлением от рассказа.

– Ладно, девочки, – Зина поднялась со скамейки, – спасибо за мороженое, и за то, что выслушали. В следующий раз я всех угощаю, идёт? Увидимся!

Она подмигнула подругам и направилась к выходу из парка, привычно толкая перед собой коляску.

Девушки какое-то время молчали.

– Мне кажется, она чего-то недоговаривает. Ну не может быть так, не бывает таких отцов! Взять и от собственного ребёнка отказаться! Уму непостижимо!

– Звучит так, как будто ты её осуждаешь, – негромко ответила Света.

– Не осуждаю... Но думаю, она сама виновата. Она что-то делала не так, вот и последствия.

Света промолчала.

В следующее воскресенье с утра Настя ждала звонка или сообщения от подруги с приглашением встретиться, но его не было.

– Ну и ладно, я всё равно иду в церковь.

После службы, выйдя на улицу, она поискала глазами Фаину. Ей нужно было поделиться с кем-то своими мыслями о той истории с ребёнком-инвалидом, потому что она не могла перестать думать о ней.

Фаина присела на лавочку возле Насти.

– Как ты, дочка? Тебя что-то беспокоит?

Настя вкратце рассказала Фаине историю Зины для того, чтобы задать вопрос, который мучил её всю неделю.

– Скажите, она же сама виновата, правда? Она делала что-то не так, неправильно, и поэтому получила ребёнка-инвалида?

– Я думаю, ты права, дочка. Она Боженьку чем-то разгневала, вот и получила. Если ты правильно живёшь, то зачем Боженьке тебя наказывать? Он же справедливый, просто так тебе напастей всяких не присылает.

– А если я хожу в церковь, то значит, со мной такого не случится?

– Конечно, нет. Ты Библию читаешь, пост соблюдаешь, службы посещаешь. Ты все правильно делаешь. А от женщины той держись подальше, она тебе не ровня.

Настя и сама не заметила, как по привычке оказалась в парке после церкви. Как будто ноги сами шли туда. Зину, Гришу и Свету она увидела издалека, они все ели мороженое и смеялись.

«Держись подальше от этой женщины», – прозвучало в ушах.

Настя развернулась и пошла прочь.

– Странно, – сказала Света, – Настя обычно в это время уже приходит, почему-то нет её.

– Мне кажется, она меня избегает, – засмеялась Зина, – может, думает, что если со мной общаешься, то беду на себя накликаешь.

– Зина, вы на курсы телепатов не ходили, случайно? – теперь засмеялась Света, – ладно, раз её нет, мы пойдём погуляем, я помогу с коляской, а вы мне расскажете, что дальше было.

После того разговора о том, что Александр отказался и от неё, и от ребёнка, Зина была, что называется, «не в себе». Она кормила Гришу и гуляла с ним совершенно механически, без мыслей. В день, когда ей нужно было съехать, она собрала детские вещи, то, с чем пришла к Александру, и своё свадебное платье, хотя и не знала, что она будет с ним делать. Водитель молча вручил ей ключи, посадил её с ребёнком и чемоданами и уехал, так как очевидно боялся прогневать шефа, не дай Бог бы тот узнал, что он помог женщине с полупарализованным ребёнком. Когда она вошла в ту конуру, которая теперь должна была стать их жилищем, она упала на колени и зарыдала.

– Наверное, если бы не Гриша, я бы с ума сошла. Совершенно не знала, что делать, разве что, руки на себя наложить. Но тогда пришлось бы и его убить, правда? Не оставлять же беспомощного младенца в пустой холодной квартире...

Уже стемнело, когда она поняла, что скоро нужно будет кормить сына. У неё было немного денег, нужно было найти магазин. Слава Богу, в конурке была кровать, стол и маленькая плита, а в двери был замок.

– Вы знаете, у меня, если честно, от вашей истории мурашки по коже бегут, – призналась Света, – как вы вообще справились?

– Поначалу и не справилась, – улыбнулась Зина, – плакала, обвиняла мужа в предательстве, жаловалась на все и не знала, что делать... Лежала на кровати и смотрела в одну точку.

– А потом?

– А потом закончились деньги. Совсем. И нужно было выбирать между жалением себя и голодной смертью.

Свадебное платье она продала соседке по дому, молодой девочке, восторженно рассказывающей Зине, как здорово быть невестой, обручальное кольцо и серёжки сдала в ломбард, без иллюзий, что выкупит их когда-либо. Она ходила по округе, в поисках работы, любой работы, готовить, убирать, мыть полы или посуду, лишь бы были деньги на то, чтобы кормить себя и Гришу.

– Удивительно, что меня нашла наша няня, уж не знаю, как, и предложила сидеть с Гришей бесплатно, пока я работаю, и даже оплачивала мои счета за квартиру. Часто помогали соседи, приносили Грише детские вещи, а когда он подрос – скинулись ему на коляску, простую, а потом и инвалидную... Няня ходила во все благотворительные организации, выбивала нам помощь, одежду, еду... Без неё я бы не справилась...

– И что, отец ребёнка никогда не пытался навестить вас?

– Что вы, нет, конечно... Я до сих пор не знаю, что именно случилось с Гришей, иногда приходила мысль, что Александр, может быть, ударил его, и поэтому у него отнялись ноги, но как это доказать? Да и боялась, что он и квартиру отнимет, если я начну что-то выяснять...

– Вы так и живете там, в той квартире? – спросила Света.

– Да, пока там... Няня добилась, через органы опеки, чтобы нам дали большую жилплощадь, наверное, года через два-три дождётся, – усмехнулась Зина.

– Я могу вам чем-то помочь? – спросила Света, помолчав, – я бы очень хотела. Скажите, чем?

– Вы очень добры... Иногда по вечерам я ухожу вести уроки, занимаюсь со школьниками, и Гриша один остаётся, няня не может быть с ним все время...

– О, я с удовольствием с ним посижу, конечно!

– А это не будет мешать вашей личной жизни?

– А у меня её нет, – рассмеялась Света, – я слишком много работаю.

– Вы знаете, он очень любит, когда я ему вслух читаю... Сам научился читать очень рано, но говорит, что ему больше нравится слушать, так ему проще всё себе представлять.

Они договорились, что Света будет приезжать пару раз в неделю, посидеть с Гришей. Она привезла с собой несколько книг, и он, и правда, внимательно слушал и задавал вопросы.

Травма позвоночника никак не сказалась на его умственном развитии, даже казалось, что он намного взрослее и серьёзнее детей его возраста. Он спрашивал Свету про архитектуру зданий, устройство этого мира, звёздное небо и двигатели внутреннего сгорания – про то, что он читал сам или то, что она читала ему вслух, всегда был в спокойном расположении духа, улыбчив и приветлив, и не болтал попусту.

– Ну да, телевизора-то нет, – смеялась Зина, – мультики не посмотришь...

Зина часто думала о том, как болезнь сына перевернула её жизнь. Как она научилась выживать, выкручиваться, использовать любую возможность, быть благодарной за все, за любую мелочь, и не жаловаться на судьбу, так как жалобами не прокормишься. И что именно у него, у неходящего ребёнка она научилась быть такой. Он смотрел, как другие дети бегают и прыгают, катаются на велосипедах и делают всё то, чего он делать не мог, и не жаловался.

– Мама, почему я такой? – как-то спросил он, когда они гуляли.

Зина боялась этого вопроса, но и не ответить не могла.

– Ты родился здоровым, а потом что-то случилось, – слезы почти навернулись ей на глаза, – и врачи сказали, что у тебя травма позвоночника.

– И что я не буду ходить?

Она кивнула.

– Ну и ничего страшного. Не буду, так не буду, – спокойно ответил мальчик.

Света довольно быстро привязалась к нему, и почти все вечера проводила с Гришей, пока Зина зарабатывала деньги репетиторством, и подумывала о том, чтобы купить машину побольше, чтобы можно было поставить туда коляску.

Настя почти перестала общаться со Светой, но церковь посещала исправно. Как-то после окончания службы батюшка обратился к прихожанам с просьбой.

– Братья и сестры, – пробасил он, воздевая руки к потолку, – жертвуйте на строительство нового храма! Жертвуйте на богоугодное дело и вам воздастся!

По залу шла старушка с коробкой, и прихожане, не желая показаться невежливыми, бросали туда монеты и банкноты, и Настя не смогла остаться в стороне.

Когда она вышла на улицу, к ней подошла Фаина.

– Ты пожертвовала на новый храм, дочка?

Настя кивнула.

– Правильно сделала, правильно! Нужно помогать верующим, чтобы у них было место, куда прийти, помолиться...

Настя хотела спросить, а чем верующих не устраивает тот храм, который есть сейчас, но и это звучало невежливо.

– Храм нужен, чтобы люди обращались к Богу, понимаешь? Люди сами не могут, а так они придут в храм, батюшка им укажет путь, правильный путь, понимаешь? Будет большой новый храм, много людей смогут прийти! Это важно!

Когда Фаина ушла, Настя зашла в церковь ещё раз, и положила ещё денег в коробочку с надписью «Жертвуйте на новый храм, братия и сестры».

А тут как раз позвонила Света, пригласить её вместе пообедать.

– Только если мы будем обедать вдвоём, без инвалидных колясок и прочего, – поставила условия Настя.

– Вдвоём, – успокоила её Света.

– Почему ты так плохо относишься к этой женщине и её сыну? – спросила Света, когда они сделали заказ, – она тебе лично ничего плохого не сделала. И Гриша очень хороший мальчик, очень спокойный, вежливый. А ты от них шарахаешься, как от прокажённых.

– Она мне не нравится, – пожалала плечами Настя. – Я же не виновата, что её Бог наказал за что-то, я не обязана ей помогать... И вообще, может, она мошенница, и просто прикрывается больным сыном, чтобы в доверие втираться, может, он ей и не сын, и даже и не инвалид!

Света только головой покачала.

– А я как раз хотела тебя спросить, может, ты поучаствуешь в сборе средств Грише на новую коляску.

– А старая куда делась? Она её продала?

– Он растёт, ему нужна новая, да и сейчас модели есть лучше, удобнее.

– Даже если так, я уже не могу, я пожертвовала на храм новый.

– А что, у нас строят новый храм? Я не знала.... Где?

– Какая разница, где? Батюшка сказал, что будет новый храм. Это важно для верующих! Чтобы люди могли прийти, приблизиться к Богу!

– Чтобы приближаться к Богу, не нужна церковь, а мальчику нужна новая коляска, причём уже сейчас...

– Ну так иди и купи ему эту коляску! Что ты вообще с ним носишься, тебе за это деньги не платят!

Света начала меняться в лице.

– То есть, ты хочешь сказать, что ты лучше отдашь деньги непонятно на что, на какой-то храм, который ещё и не начинали строить, чем поможешь ребёнку, который нуждается в помощи?

– Если будет новая церковь, верующие смогут её посещать, и повышать свою духовность, а мальчик твой все равно уже ходить не будет, понимаешь?

– То есть ты, приходя в церковь, повышаешь свою духовность?

– Да, и тебе бы не мешало, – Настя добавила к голосу побольше сарказма.

Света обхватила голову руками.

– Да что с тобой случилось! Ты как зомбированная стала после своих походов в церковь! Ты как будто очевидных вещей не понимаешь!

– Вот я тебя хочу о том же спросить! – в Настином голосе появились визгливые нотки, – ты в упор не видишь, как эта женщина тебя использует! Это её Бог наказал за что-то, пусть она сама и живёт с этим! А я тебе говорю про духовность! Про церковь! Это важнее, понимаешь, для всего человечества!

– О какой духовности ты говоришь, если для тебя какое-то мифическое здание важнее помощи реальному ребёнку? Да с чего ты взяла, что на эти деньги и правда храм построят, а не новую машину Батюшка себе купит?

– А ты откуда знаешь, что твоя Зина деньги не пропьёт?

– Потому что я сама эту коляску куплю и буду с Гришей гулять! Он живой ребёнок, реальный! Живой, умный, хороший! Он не виноват, что с ним случилось несчастье! А твои «верующие» толком и не понимают, что вообще вокруг них происходит, и о чём говорят им попы! Им лишь бы на Пасху куличи друг другу дарить, или яйца красить, к Богу это вообще никакого отношения не имеет!

– Знаешь, что? Вообще не хочу с тобой больше дела иметь! И не звони мне больше!

Настя схватила сумку, бросила на стол деньги и буквально бегом выбежала из кафе. Света от бессилия стукнула кулаком по столу, но увидев удивлённый взгляд официанта, взяла себя в руки. Доела, допила, расплатилась.

Она пришла в парк и сидела на скамейке, в ожидании Зины и Гриши, просто смотрела на растения вокруг. Клумбы в парке были довольно ухоженные, и она часто видела пожилого дедушку, который приходил полоть сорняки и подвязывать розы. Вот и сейчас он был занят своим делом, проходил между клумбами с ведёрком. Ведёрко наполнялось быстро, и ему нужно было ходить и выбрасывать сорняки в большую урну на углу.

– Три дня назад все до единого сорняки выполол, – сказал он, проходя мимо Светы, – а поди ж ты, опять выросли!

Сколько нужно времени и усилий, чтобы вырастить одну красивую розу? Поливать, следить за состоянием почвы, убирать вредителей, подстригать куст. Сорняки просто растут, без каких-либо усилий со стороны садовника, а если их слишком много, так они и вовсе задушат красивые и хрупкие растения, ради которых строятся клумбы. Так вот и люди в массе своей ведут себя как сорняки, сильные и напористые в том, что касается их личного выживания и места под солнцем, и как легко они могут затоптать и задушить что-то иное, более нежное и изысканное, то, чему нужен особый уход.

Люди рассуждают о духовности, очищении, о важности соблюдения поста, на Пасху говорят друг другу «Христос Воскресе», желают друг другу счастливого Рождества, но при этом агрессивно сигналият на пешеходных переходах, если дорогу медленно переходит скрюченная от ишиаса бабушка, или паркуют машины на тротуарах, по которым потом не могут пройти мамочки с детьми, или занимают места с пометкой «для инвалидов», потому что им, здоровым, нужнее и важнее.

– О чем задумалась, красавица? – Зина, улыбаясь, подошла к скамейке, и Света тоже заулыбалась, увидев Гришу.

Она наклонилась, чтобы обнять ребёнка – это был их особенный ритуал – и ласково погладила его по голове.

– Ты знаешь, смотрела вот на садовника, и подумала, что люди вокруг какие-то, как сказать, – она замолчала, подбирая слово, – какие-то «помидорки»... Висят себе на ветке и не заморачиваются, – голос Светы звучал расстроенно.

– Я знаю, о чем ты, – кивнула Зина, – я раньше часто об этом думала.

– А потом перестала? – усмехнулась Света.

– Знаешь, у каждого свой урок в этой жизни... Не всем нужно преодолевать препятствия. Некоторым можно и на ветке повисеть...

Они шли рядом молча некоторое время.

– А, у нас же новости хорошие есть, правда, Гриша? – Зина даже остановилась, чтобы рассказать Свете, – помнишь, я говорила, что няня ходила по инстанциям, чтобы нам квартиру выделили?

– Да, помню, и что?

– Сегодня бумага пришла, что дали разрешение, и через полгода мы сможем переехать!

– Ого, вот это здорово! Большая квартира?

– Целых 33 метра, – рассмеялась Зина, – на другом конце города, в старом доме. Но знаешь, что? Там даже есть балкон!

Настя сидела на лавочке возле церкви, как обычно, после службы, и разговаривала с Фаиной о правильности, когда неподалёку остановилась большая дорогая машина, и из неё вышел мужчина в пальто. Наверное, тоже дорогое, но Настя в мужских пальто не очень хорошо разбиралась.

Он явно направлялся в сторону церкви.

– Скажите, девушки, а служба уже закончилась?

Фаина почти залилась румянцем от такого обращения.

– Закончилась, касатик, опоздал ты чуть...

– А во сколько начало? – мужчина с интересом смотрел на Настю.

– Обычно в 11, – она тоже немного смутилась от его внимательного взгляда.

– А вы на службы каждую неделю ходите? – мужчина не сводил с неё глаз.

– Да, по воскресеньям, – Настя кивнула, почти бессознательно поправляя волосы.

– Хорошо, тогда там и увидимся.

Он сел в машину и уехал.

«Хоть не зря на эти службы хожу, слава Богу», – пронеслось в голове у Насти.

Мужчину звали Вадим. В следующее воскресенье он приехал на службу, причём заранее, чтобы занять хорошее место, и когда Настя зашла в церковь, увидел её и жестом пригласил встать рядом с ним. Службу слушал молча, смиренно склонив голову; когда она закончилась, провёл Настю через толпу и галантно подал руку, чтобы помочь спуститься по ступенькам.

– Может быть, прогуляемся? – спросил он.

Они прогулялись вокруг церкви. У них оказалось много общего: они читали Библию, соблюдали пост, ходили в церковь. Вадим недавно переехал в этот город, но уже нашёл хорошую работу; был неженат, бездетен, внешне приятен и имел аккуратную аристократическую бородку.

Они рассуждали о духовности, очищении, важности соблюдения поста и о правильности посещения церкви.

Через несколько месяцев Настя познакомила его с мамой. Вадим был галантен, любезен и обходителен, целовал маме ручки и пил с ней её любимый ликёр «Амаретто», который Настя терпеть не могла. Мама была сражена обаянием поклонника дочери наповал и ещё через пару месяцев радостно дала своё согласие на свадьбу.

– Настенька, ну вот видишь! Как здорово, что ты начала ходить в церковь, и сразу нашла правильного мужчину! И так важно, что он тоже ходит в церковь!

Сначала была гражданская церемония, а потом – предел мечтаний, венчание в церкви. Батюшка много раз просил Господа о помиловании, потом о счастье для молодых, потом ещё о чем-то, Настя не помнила. Она ликовала, ведь она получила то, что хотела, и теперь все в её жизни складывалось правильно.

Когда стало известно о беременности, Вадим очень радовался, целовал ей руки, а когда живот стал заметным, часто просил разрешения положить на него ладони, потом складывал ладони лодочкой перед лицом и благодарил Господа за то, что тот дал ему ребёночка.

Настя правильно питалась, много гуляла и читала Библию. Беременность протекала легко, анализы были в норме, все было хорошо. Вадим часто говорил ей, какое это счастье – иметь ребёнка и продолжить свой род.

Когда наступил срок родов, Вадим привёз её в роддом, был галантен с акушерами и главврачом, и сказал, что приедет, как только ему сообщат о рождении ребёнка.

Самих родов Настя не помнила, потому что они проходили под полной анестезией, а проснулась очень усталой и разбитой. Она была одна в темной палате, и ей пришлось кричать и звать, чтобы хоть кто-то пришёл.

В палату заглянула усталая медсестра.

– О, вы проснулись, – буднично сказала она, – хорошо.

– Что происходит, – Настя недоумевала, – почему я здесь, где мой ребёнок?

– Попозже к вам подойдём, ждите.

Пришли к ней только утром. Акушер и главврач, суровая женщина средних лет.

– Анастасия, как вы себя чувствуете? – строго спросила она.

– Нормально, – торопливо ответила Настя, – где мой муж, где ребёнок?

– У вас возникли осложнения при родах, поэтому ребёнок пока в палате интенсивной терапии... А супруг ваш приезжал уже.

– Я не понимаю, что происходит?

– Ваш ребёнок, кстати, девочка, родилась с ДЦП. Вы ещё были под наркозом, когда мы сообщили новости вашему супругу.

– И что он?

– Он оставил вам это, – главврач протянула Насте конверт.

Настя вскрыла конверт. Там был сложенный вчетверо листок бумаги и визитная карточка.

«Анастасия», – начиналось послание, – «с самого первого момента нашей встречи я знал, что ты очень сильная женщина и тебе под силу любая жизненная ситуация, не говоря уже о том, что я всегда находил твои представления о жизни правильными. Я бы очень хотел быть тебе хорошим мужем и хорошим отцом твоей дочери, но в сложившейся ситуации я вынужден признаться тебе, что я не столь силен духом, как ты. Я слаб, я просто человек. Прошу понять меня правильно и не судить строго. Я не смогу быть рядом с ребёнком-инвалидом и жить с женщиной, которая такого родила. Но, повторюсь, это, к сожалению, всего лишь моя личная слабость, и я уверен, что обязательно найдётся достойный тебя человек, который с удовольствием разделит с тобой твою жизнь и жизнь твоей дочери. Когда ты выпишешься из больницы и найдёшь время, будь любезна, свяжись с моим адвокатом (его визитная карточка прилагается) по вопросу развода и раздела имущества. Я не думаю, что будут сложности, так как на ребёнка я не претендую. Тем не менее, так как ребёнок был рождён в законном браке, я буду выплачивать на него алименты в размере 25 % от моей официальной заработной платы, тебе нужно будет лишь сообщить моему адвокату реквизиты твоего счета для осуществления платежей. Удачи и всего наилучшего, Вадим.»

Настя подняла глаза на главврача.

– То есть, он не приедет?

– Нет, – та покачала головой.

– Я могу увидеть ребёнка?

– Да, конечно, сестра уже идёт.

Ребёнок был некрасивый, красный и сморщенный. Настя смотрела на неё, на свою дочь, не понимая, как это могло случиться! Её ребёнок – инвалид? Но ведь она, Настя, делала все правильно!

Ребёнок заплакал, некрасиво, убого, жалостливо.

Настя закрыла лицо руками.

«Господи, помилуй», – стучало в висках, «Господи, помилуй!»

Голос заведующей раздался откуда-то издалека.

– Ребёнка забирать будете или отказ оформлять?

Господи, помилуй мя....

Поездка

Пролог

Учёные говорят, что лососи, рождённые в ручьях и реках, немного повзрослев, преодолевают огромные расстояния, чтобы достичь моря, где проводят несколько лет жизни в свободном плавании, нагуливая бочка и сверкая серебристой чешуёй, а потом, подгоняемые инстинктом размножения, преодолевают это расстояние опять, чтобы вернуться в свой ручей или реку для нереста, где и умирают, выполнив свой жизненный цикл. Наверное, мало кому из людей подобное достижение показалось бы достаточным, разве что свято верящим в истинность поговорки «Где родился – там и пригодился». Рождённые в маленьких провинциальных городках юноши и девушки, по той или иной причине сбегаящие в большие города подальше от убогого захолустья, рисуют в своих неокрепших умах картины большого – нет, оглушительного! – успеха, которого они в этих самых больших городах непременно добьются, и они уж точно не собираются возвращаться туда, где родились. Они же не лососи, в конце концов. Для них фраза: «В этой жизни нужно попробовать все» означает, скорее, «алкоголь, наркотики и беспорядочные половые связи», а не «смирение, духовное пробуждение и служение людям». Да и кому вообще оно нужно, это служение людям? Выгоды-то от него никакой!

Часть I. Москва

Ещё в старших классах школы Виктор понял, что серая захолустная жизнь – не для него. Ему грезились огни больших городов, сверкающие бамперы быстрых машин, начищенное столовое серебро дорогих ресторанов и он сам, в стильном костюме и окружении красивых женщин. В городе, в котором он родился, с населением в 130 тысяч человек, такую жизнь видели только в кино, как будто картинки из параллельной вселенной, и понятно было, что мечтать о таком мог бы только бездельник, которому нечем больше заняться. Поэтому Виктор не мечтал, он строил планы. Ему нужно было как-то попасть в большой город, а ещё лучше – в столицу. Он слышал, что найти работу там легко, а снять жилье – трудно, потому что дорого, и сам для себя решил, что будет умнее других, и ничего снимать не будет, а сразу купит, а так как нужной суммы денег сейчас у него нет, то он пойдёт и возьмёт ипотеку.

– И не нужно будет платить за съем жилья, понимаешь, это же уже сразу твоя квартира! – объяснял он своей девушке, с которой они вместе учились и вместе собирались уехать в столицу.

Его девушку звали Лена. Конечно, в параллельной вселенной он бы выбрал девушку с именем поэкзотичнее, что-нибудь вроде «Изоolda» или «Роксолана», но Лена, по крайней мере, была хороша собой и обладала кротким нравом, поэтому с ней было приятно и просто. Более того, она была абсолютно влюблена в Виктора, слушала его с неподдельным интересом и безоговорочно одобряла все его действия, что, с его точки зрения, было необходимым качеством будущей спутницы жизни.

Они учились на экономическом факультете. Конечно, идеальным вариантом было бы учиться сразу в Москве, но тут планы Виктора шли вразрез с доходом родителей, да и он сам ещё не находился на этапе накопления первоначального капитала, и ему пришлось действовать по плану «Б» – получить диплом и заработать денег в родном городе, а уж потом отправляться на поиски желанного образа жизни. Экономический был выбран потому, что на юридический Виктор не поступил, а будущую работу видел только офисной. Никакого «ручного труда», только белые воротнички, только стол и компьютер, а потом и вовсе кресло начальника отдела. Неважно, какого, главное, чтобы стать начальником. Он много времени посвящал учёбе, так как хотел быть лучшим на курсе, и уже со второго курса начал подрабатывать в маленьких конторках, которые из жадности нанимали на работу студентов, рассчитывая на то, что ради опыта они будут работать за кофе и печенюшки. Любые деньги, которые он зарабатывал, он относил в банк, на специальный сберегательный счёт, и очень настаивал, чтобы Лена делала то же самое. В конце концов, если они будут жить в квартире вместе, будет справедливо, если она внесёт свою долю в первоначальный взнос и ежемесячные платежи! С его доводами она соглашалась, но в целом была немного рассеянна и мечтательна, к учёбе относилась легко, хотела заниматься фотографией и увидеть тропические страны. Работать в конторках за кофе и печенюшки она отказалась, но легко писала студенческие работы за вознаграждение, и даже умудрялась получать за это больше денег, чем Виктор, причём за меньшее количество потраченного времени. За это он её хвалил, а за мечтательность – ругал. Тропические страны – это хорошо, но своя квартира в столице – намного, намного важнее.

Иногда они, конечно, развлекались и хорошо проводили время, например, ходили в кино или ели мороженое в парке, но только в том случае, если сумма денег, которую они совместно заработали в течение месяца, казалась Виктору достаточной. Так и прошли студенческие годы, которые некоторые считают чудесными, а некоторые используют для создания прочной платформы будущего.

На последнем курсе Виктор уже активно рассылал резюме в столичные компании и тщательно изучал рынок труда, взвешивая и сравнивая различные предложения, и советовался с

Леной – то есть, озвучивал ей варианты, и интонацией давал понять, считает ли он этот вариант хорошим, или нет, и ей нужно было интонацию уловить и либо восторженно кивать, либо отрицательно качать головой. К его большому неудовольствию, она себе работу не искала, а просто рассматривала картинки красивых мест в столице и окрестностях, которые хотела бы посетить.

Они сдали экзамены и защитили дипломы – к удивлению Виктора, оба получили дипломы с отличием, хотя Лена явно прилагала меньше усилий к учёбе. Не может же она быть умнее его, на самом деле!

Время отъезда приближалось, и нужно было решить, где именно они будут жить в столице, причём Виктор был намерен максимально сократить время съёма квартиры, так как это неразумно и нерационально. Он написал несколько писем в банки, которые предлагали услуги по ипотечному кредитованию, и оказалось, что банки более лояльны к заявителям, если заявители были семейной парой, так как в таком случае супруга заёмщика становилась со-заёмщиком, несущим равную ответственность за выплаты по кредиту. О, ну это легко!

– Нам нужно пожениться до отъезда, – сказал он Лене совершенно буднично, как будто обсуждая, какие продукты купить в магазине на неделю, – так будет проще ипотеку оформить, да и ЗАГС недалеко, пешком дойти можно. Давай завтра утром пойдём, заявление напишем, не забудь паспорт.

Они шли в ВУЗ, забрать какие-то справки, и Лена, как обычно, рассматривала людей и небо, витая в своих мыслях. Иногда она так глубоко погружалась в эти свои мысли, что даже могла не обратить внимания на слова Виктора, что его страшно злило.

– Ты слышишь меня? – он подёргал её за рукав, – не забудь паспорт!

– Паспорт? Прости, что ты сказал?

– Я сказал, что нам нужно пожениться до отъезда! Тогда банку легче нам ипотеку дать, как молодой семье, ну и как двум работающим... Поэтому надо завтра пойти в ЗАГС, написать заявление.

– То есть, ты мне предлагаешь за тебя замуж выйти? – Лена, казалось, была немного ошарашена.

– Нет, я предлагаю тебе купить плюшевого медведя! Лена, ну что за вопросы, я же все объяснил! Скажи ещё, что ты против!

Нет, она была не против, что вы! Все её подруги рассказывали ей, как сложно найти мужчину, который бы хотел жениться, им же всем только одного и надо, и что в лучшем случае, вы будете жить вместе годами, и может быть потом он решится, хотя тоже не факт, вот у моей подружки Ирки (Машки, Таньки, Галки) вообще был случай, она с мужиком 10 лет жила, трех детей ему родила, всё для него делала, а он не только не женился, а с её же лучшей подружкой и сбежал! И прочие ужасы в этом стиле...

– Я просто думала, что ты мне предложение сделаешь сначала, ну знаешь, как положено, с кольцом!

– Ну вот заявление подадим, и перед свадьбой купим кольца, конечно, – Виктор немного смягчился, – какая же свадьба без колец!

Он приобнял её за плечи и притянул к себе, покровительственно-одобряющим движением, знаете, так друзья-мужчины могут подбадривать друг друга после неудачной игры в футбол во дворе, «Да ничего страшного, Васёк, сегодня проиграли, завтра отыграемся».

– Но я тебе уже сто раз говорил, начинай себе работу искать, и чтобы зарплата не меньше моей была! Ты как-то несерьёзно к этому относишься!

Вечером Лена рассказала родителям, что они с Виктором поженятся. Отец одобрительно покачал головой, мать расплакалась. Этим женщинам лишь бы пореветь, честное слово, хоть родился, хоть женился, хоть умер – у них все время глаза на мокром месте!

– Он хороший парень, – не отвлекаясь от просмотра новостей по телевизору, сказал отец, – далеко пойдёт, так что слушайся его и делай всё, что он говорит.

Оказалось, что Лена и Виктор были не единственными желающими сочетаться узами брака в ближайшее время, и в местном отделении ЗАГС им пришлось подождать своей очереди.

– Витя, а когда мы поженимся, сколько у нас детей будет? – спросила Лена, мечтательно рассматривая образцы бланков на стенах.

– Детей? – изумление Виктора было неподдельным, – каких ещё детей?

– Ну, наших детей, – Лена улыбалась, – мы же будем семья, муж и жена, и у нас должны быть дети...

Нельзя было сказать, что Виктор был плохим, бесчувственным человеком, или что он ненавидел детей или не понимал, что в семье эти самые дети вполне могут быть, но сама идея регистрации брака для него, в данном конкретном случае, означала нечто, отличное от среднестатистического понимания брака, как такового. Уф, ну и фразочка вышла! Логика была очень простой: я хочу получить ипотечный кредит – молодой семейной паре получить ипотечный кредит легче – если платить вдвоём, то можно выплатить в два раза быстрее – надо жениться. А никаких детей в условиях договора ипотечного кредитования не указано! Нет, ну если бы, конечно, ещё и дети помогали выплачивать ипотеку, то было бы здорово, но это же лет пятнадцать ждать придётся... Это долго. А сейчас, глядя на Лену, задающую вопрос о детях, он подумал, что у неё, наверное, совершенно иная картинка в голове, что-то вроде красивой свадьбы, белого платья, загородного дома, прогулок с детьми в парке... А это в его планы не входило, по крайней мере пока, но и отказываться от своих задумок о большом городе от не собирався.

– Послушай, я думаю, нам следует повременить с детьми. Мы переедем в большой город, там все новое, неизвестное, да и финансово мы пока не потянем иметь ребёнка, понимаешь? Давай сначала думать о том, как найти работу хорошую, как выплачивать ипотеку, как карьеру строить... А потом, как возможность будет, тогда уже и о детях подумаем? Да, и ещё – никакой пышной свадьбы, просто распишемся, и все, нам деньги нужны на первоначальный взнос по ипотеке, ты же помнишь?

– Даже в ресторан не пойдём?

– В ресторане дорого. Может быть, ты просто ужин приготовишь и все? Днём распишемся – вечером поужинаем. Да, а кольца, кстати, можно в ломбарде купить, подешевле, я видел объявление. Это же просто металл, какая разница, в магазине мы их купили, или нет! А платье и костюм возьмём напрокат. Согласна?

Если честно, Лена не совсем так представляла день своей свадьбы. Вот совсем не так! Разве «самый лучший день в жизни девушки» можно превратить в простую формальность? Зачем тогда вообще нужна свадьба, можно и просто вместе жить! Если уж быть совсем честной, она и в столицу-то не особо хотела ехать, крутых карьерных амбиций у неё не было, да и жить в городе с населением в несколько миллионов человек ей не казалось чем-то невыносимо привлекательным. Она вообще могла бы работать воспитательницей в детском саду, учить детей лепить зайчиков из пластилина или рисовать солнышко, выводить их на прогулку, и следить, чтобы они не пытались лизнуть трубу. Ей нравился Виктор, частично своей целеустремлённостью и серьёзностью, частично широкими плечами, и, конечно, она хотела замуж, потому что куда же ещё, если не замуж, не в монастырь же, но ведь свадьба – важная часть замужества! Не выходить же потом замуж ещё раз, только чтобы в белом платье походить и фотографии на фоне моста сделать...

Очередь подходила, а она колебалась, и это было заметно. Виктор почти запаниковал. Из-за какой-то там свадьбы его стройный план начинал рушиться!

– Хорошо, хорошо, давай поищем какую-нибудь кафешку недорогую и там отпразднуем, родителей пригласим, друзей.... Только не всех, конечно, самых близких, человека четыре... На свадьбу же принято дарить подарки, и мы им скажем, чтобы дарили деньгами, вот и будет тогда чем заплатить за кафе! Согласна?

Он даже был готов предложить ей сходить в кино или поесть мороженого вне расписания, лишь бы она согласилась. Не в его правилах было легко сдаваться.

– Ленчик, ну чего ты, всё же хорошо! Мы в Москву поедem, вместе жить будем! Здорово же!

На табло над дверью кабинета заморгала лампочка с их номером.

– Пойдём, пойдём, – Виктор подталкивал Лёну к дверям, – наша очередь!

Ей вспомнились слова отца о том, что Виктор хороший парень, и слова подруг о том, что мужчин очень трудно заставить жениться. Она оглядела очередь – за ними уже скопилось порядочное количество будущих «брачующихся» и её охватило чувство неловкости, почти переходящей в томительную стыдливость. Ну как-то неудобно же сейчас взять и просто уйти! Они с Виктором уже столько лет встречаются! И может быть, он в Москве изменится, станет более внимательным, и захочет детей, ведь у него появится ответственность, как у мужа!

– Ну так вы заходите или нет? – истерично-визгливо спросила девушка в очень короткой юбке и на высоких каблуках, которая всё время ожидания в очереди провела за набором сообщений в телефоне, – вы же тут не одни, решите уже, туда или обратно!

Виктор терпеть не мог публичных скандалов. Он бросил на Лёну крайне недовольный обвинительный взгляд, и у неё не осталось выбора.

День свадьбы был назначен. Заниматься поисками дешёвого кафе, дешёвого платья напрокат и дешёвых колец Виктор поручил Лёне, дескать, тебе это нужно – ты и тратишь на это время. Выбор, в итоге, свёлся к двум вариантам: студенческая столовая или убогая шашлычная на выезде из города. Так как в студенческую столовую со своей едой и алкоголем их пустить отказались, а в шашлычную – согласились, поле выбора предельно сузилось. Оказалось, что свадебные платья можно было брать напрокат несколько раз, и стоимость «первого проката» была самой высокой, а, к примеру, третьего – в три раза меньше. Опять же, выбор был очевиден, просто ей пришлось провести пару часов, внимательно выбирая из кучи платьев те, на которых не было очевидных следов слез, пота, помады или шампанского, а уже из них – подходящие по размеру, а кольца они и правда купили в ломбарде, причём разные по стилю, а на одном из них даже была выгравирована дата, наверное, той свадьбы, для которой они были куплены. Виктор пытался экономить буквально на всем, мотивируя это тем, что нужно копить деньги на поездку в Москву, более того, и его, и её родители в этом, почему-то, его полностью поддерживали, и Лёне ничего не оставалось, как спрятать поглубже своё чувство неловкости и пережить этот день. В конце концов, не в платье ведь дело! Так что, уже после регистрации и пары бокалов шампанского она решила, что шашлычная была не так уж плоха, мясо им понравилось вкусно, да и места для танцев хватало.

Утром после свадьбы Виктор добавил свидетельство о браке к документам для подачи заявки на ипотеку, и получил сообщение, что заявка была одобрена, его персональный менеджер займётся поиском вариантов квартир в новостройках того ценового диапазона, который озвучил Виктор, а из этих вариантов потом нужно будет выбрать наиболее подходящий по району или иным причинам.

– Отлично! – Виктор потирал руки, – теперь можно сообщать компаниям, что я готов прийти на собеседование!

Для экономии финансов, после свадьбы и до отъезда они решили пожить у родителей Лёны, а потом, после переезда и перед заселением в их новую квартиру – у дальних родственников родителей Лёны, которые согласились приютить молодых на пару месяцев. Всё шло по плану.

Когда дело дошло до упаковки вещей, Виктор проявил недюжинную щедрость, сказав Лене, чтобы она упаковала все свои вещи по максимуму, и он готов заплатить за перевозку. Хотя особого секрета тут не было – никаких новых вещей он ей покупать не собирался, так что дешевле было перевезти старое. Он так много говорил об экономии, о необходимости вкладывания денег в будущее, о накоплениях, сбережениях, процентной ставке по ипотеке, что в какой-то момент и Лена начала верить в исключительную важность всех этих вещей, и даже не в простую, а в приоритетную. Её отец во всем соглашался с Виктором, кивал, поддакивал и подливал тому домашней наливочки, что делало юношу ещё более говорливым.

А вот и столица. Правда, один из самых отдалённых и захолустных районов, но об этом говорить совсем необязательно. Чтобы не тратить много денег на еду, Лене было поручено съездить на оптовый рынок и закупиться продуктами, и готовить самой, никаких ресторанов и кофеен, а если ехать погулять в центр, то брать с собой термос и бутерброды. Дальние родственники пожимали плечами, но в жизнь молодожёнов не вмешивались. Тем не менее, Виктор купил себе хороший костюм.

«Очень важно произвести хорошее впечатление на собеседовании!», – объяснил он Лене.

Он потратил несколько недель на посещение многочисленных собеседований, проходил различные тесты, доказывал свою профпригодность и огромное желание работать именно в этой компании. И вот – его приняли! Он был невероятно горд собой и дня два рассказывал Лене, какой он молодец, и как легко нашёл хорошую работу.

– Тебе, конечно, посложнее будет, но обязательно начинай искать, и чтобы зарплата хорошая была, – поучительно говорил он Лене, – и от дома недалеко, чтобы на метро не тратиться.

Лена кивала, и молча мыла посуду.

Первый рабочий день всегда начинается со знакомства с коллективом. Человек, на место которого брали Виктора, водил того по кабинетам и знакомил с сотрудниками отделов. Виктор улыбался лучшей из своих улыбок и судорожно пытался запомнить хотя бы два имени из сотни, и хотя бы одно лицо из всех лиц мужского пола, одетых в одинаковые костюмы и галстуки, с одинаковыми стрижками и бородами. Они даже разговаривали одинаково, странно протягивая гласные и проглатывая слова. Он запомнил только одного парня, да и то, потому что он был в футболке и джинсах, и сидел в уголке, что-то сосредоточенно печатая. Так как уши его были закрыты наушниками, то в ответ на приветствие Виктора парень только кивнул и продолжил печатать, и вообще, казалось, его не очень заботило происходящее вокруг.

– Это Гена, наш программист, – сказал человек, проводящий экскурсию, – хороший парень, но всегда «в себе». Причём, знаешь, что интересно?

– Что? – вежливо спросил Виктор, хотя ему не было интересно.

– Гена в компании единственный коренной москвич. У него даже квартира большая в центре, от бабушки досталась. И программист он крутой, наши боссы за него ручками-ножками цепляются, потому что он может работать, где угодно, и никакой ипотекой и кредитами не связан... Все страшно боятся увольнения, кроме Гены.

– И правда, чудно, – пробормотал Виктор, отчаянно заглушая зависть к счастливому Гене.

– Так, я ещё покажу тебе, где столовая, ну и всё, теперь ты всё знаешь!

Они повернули в какой-то длинный коридор, и почти столкнулись с парочкой других менеджеров, которые, как раз, из этого коридора выходили. Один из парней показался Виктору смутно знакомым, хотя был одет и выбрит по местной офисной моде. Парень тоже посмотрел на Виктора вопросительно, как будто отвечая на внутренний вопрос: «Откуда я знаю этого человека?», а когда пазл в голове сложился, радостно раскрыл объятия и завопил:

– Витёк!

– Толик!

Точно, Толик, учился в одной группе с Виктором и Леной, а потом перевёлся в Москву. Раздобыл, отрастил бородку и смешно растягивал гласные.

Они полу-обнялись. Дружить они не дружили, но друг к другу относились с симпатией.

– Надо же, ну где бы ещё встретились! Ты у нас работать будешь? Здорово! И в Москве живёшь? Вообще отлично! Слушай, а девушка твоя, Лена, такая толковая была всегда, ты с ней ещё?

– Да, она со мной переехала, мы поженились уже.

– О, так приводи её, у меня начальница как раз себе ищет помощницу, чтобы была с экономическим образованием и спокойная, Лена идеально подходит!

– То есть, ей на собеседование надо прийти?

– Да ну, какое собеседование, я лично дам рекомендацию, и всё. Считай, с понедельника приступать! Зарплата там хорошая, не переживай, и девочки в отделе дружелюбные...

Виктор не знал, что в нем было сильнее – радость от того, что Лена будет приносить деньги в семейный бюджет, или досада на то, как легко для неё все сложилось. Он-то столько времени потратил на все эти резюме и прочее...

Досада накрыла его с головой ещё раз, когда Лена озвучила, какую ей будут платить зарплату. Даже на испытательном сроке она была выше зарплаты Виктора процентов на 40, и начальница ей сразу пообещала бонусы и повышение буквально в следующем квартале.

Но выход нашёлся легко и логично. Раз твоя зарплата больше моей, то ты и по ипотеке плати больше, чем я, например, 70 процентов от суммы ежемесячного взноса, а я, так уж и быть, заплачу 30. Тогда и оставшееся количество денег у обоих будет примерно равным, что хорошо, потому что эти деньги мы соберём вместе и, по справедливости, вместе и потратим на еду и прочие блага цивилизации, а иначе Лена может же захотеть оставить немного денег себе, а на это Виктор пойти был не готов. Расписав в голове всю эту многоходовку, он собирался было долго и аргументированно доказывать Лене, почему именно она должна платить больше в банк, но Лена просто кивнула в знак согласия, как только он открыл рот и озвучил схему оплаты в процентном соотношении.

На работу и с работы они ездили вместе, а в течение дня практически не встречались, потому что работа отделов не пересекалась. Поначалу они ходили в столовую и обедали вместе, но потом оказалось, что за обедом решалось много неофициальных вопросов, и если обедать вместе с начальником своего отдела, то можно о чём-то попросить, а если с коллегами, то послушать сплетни или новости, а с женой он и так вечером увидится. Виктор очень старался произвести хорошее впечатление, как можно раньше избавиться от налёта провинциальности, хотел походить на всех тех, кто уже закрепился здесь, в Москве, подражал им и даже немного лебезил. Лена была все такой же спокойной и молчаливой, новая начальница в ней души не чаяла, продвигала и помогала, готовя Лену на своё место, потому что она сама, по плану, должна была идти на повышение через годик. Если отделы приходили обедать примерно в одно и то же время, то Виктор видел, что Лена всегда в окружении девочек – коллег, а иногда с ними обедал и Гена, потому что одна из девочек в том отделе была какой-то его дальней родственницей из провинции.

По вечерам, дома, Лена готовила и мыла посуду, а Виктор подолгу сидел в интернете и искал бывшую в употреблении мебель и бытовые электроприборы, подсчитывая бюджет, так как квартиру им уже нашли, и до переезда оставалось несколько недель.

Чтобы не отпрашиваться с работы, Виктор попросил банковского менеджера провести подписание бумаг в субботу. Увесистая пачка бумаг, график выплат на ближайшие тридцать лет, страховой полис, много, много подписей – и вот он, заветный ключик! Почти золотой. Вожделенная квартира в Москве! Виктора распирало от гордости. Ему хотелось кричать во всеуслышание: «Смотрите, какой я молодец! Смотрите, как я всё рассчитал! Как я всё смог! Я красавчик, я гений!». Он так сиял и раздвинулся, что даже менеджер банка это заметил.

– Это ваша первая квартира?

– Да! Мы недавно только переехали. Из другого города.

Огромная типовая многоэтажка с убогой детской площадкой и парой чахлах кустарников перед ней. В квартире был пол из дешёвого ламината и голые белые стены, но, по крайней мере, наличествовали душ, унитаз и плита.

Вот она, новая жизнь!

Было решено – вернее, Виктор сказал, – что переехать нужно как можно скорее, самим покрасить стены, а мебель и всё остальное он уже нашёл по объявлениям.

Теперь по вечерам после работы Лена не только готовила и мыла посуду, но и стены красила, а Виктор тщательно высчитывал, сколько месяцев им ещё выплачивать ипотеку при условии сохранения нынешней зарплаты, а сколько – при условии увеличения оной на 35 %.

Постепенно всё как-то выровнялось. Квартира была пригодной для жизни, Лена даже умудрилась сделать её довольно уютной, несмотря на разнокалиберную дешёвую мебель, да и денег, в принципе, хватало, даже на поход в кино и мороженое раз в месяц.

Через какое-то время, примерно через полгода, Лене, как и обещали, дали премию, да не простую, а в сумме шести месячных зарплат. Непонятно, почему начальница была к ней так щедра, но не отказываться же от денег из-за непонимания?

Лена сказала Виктору об этом вечером, за ужином, примерно между вопросами о том, достаточно ли посолено горячее и будет ли он пить чай.

– Да, кстати, я сегодня приказ подписала о выплате мне премии, ты знаешь, такая сумма кругленькая!

– Да, и какая же?

Когда Лена озвучила сумму, Виктора неприятно кольнула зависть. Он так старается, прикладывает усилия к тому, чтобы его повысили, заискивает перед боссом, а пряники достаются Лене, да ещё так легко! За что? Что в ней такого, за что её все любят?

Он бросил вилку на стол и встал.

– Что-то не так? – спокойно спросила Лена, собирая со стола посуду, – я думала, ты обрадуешься.

– Я не понимаю, почему тружусь я, а премии платят тебе!

– Я тоже тружусь, а про премию эту мне начальница давно говорила. Что не так-то?

Виктор сел на маленький стульчик возле кровати. Он завидует собственной жене? В глубине души он всегда считал её простушкой, и ему нравилось, что она оттеняет его самого, такого умного, о котором говорят «он далеко пойдёт».

– Ты ещё скажи, что тебя повысят скоро! – его голос был полон сарказма.

– Не знаю, насколько скоро, но в течение года точно, начальница меня на своё место готовит, когда на повышение пойдёт, я тебе говорила об этом.

Да, говорила, но он не придавал этому значения, потому что его самого должны были повысить намного раньше.

– Ну и на что же ты собираешься потратить свою кучу деньжищ? – съязвил он.

– Почему же «мою», она наша, разве у нас не общий бюджет? Я хотела предложить тебе поехать в отпуск, в тропики, например, в Таиланд, денег хватит...

– Таиланд?? Какой ещё Таиланд? У нас ипотека, ты что, забыла? – он почти кричал.

– Ипотека же не смертельная болезнь, я же говорю, на всё хватит, и на отпуск, и на ипотеку...

– Нет, – Виктор встал со стула, – никаких тайландов. – Деньги тогда используем на то, чтобы уменьшить тело кредита. В этой семье деньгами распоряжаюсь я, поняла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.